

Дворянова А.А. Тавтология в речи аллегорических и античных персонажей в русских пьесах XVII–XVIII вв. // Академия педагогических идей «Новация». Серия: Студенческий научный вестник. – 2018. – №10 (октябрь). – АРТ 501-эл. – 0,3 п.л. - URL: <http://akademnova.ru/page/875550>

РУБРИКА: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.373

Дворянова Анастасия Александровна
Магистрант 1-го курса филологического факультета
Научный руководитель: Семенов А. И., доцент кафедры
русской филологии и журналистики,
канд. филол. наук, доцент
СВГУ «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Российская Федерация
e-mail: nastya.dvoryanova.96@mail.ru

**ТАВТОЛОГИЯ В РЕЧИ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ И АНТИЧНЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКИХ ПЬЕСАХ XVII–XVIII ВВ.**

Аннотация: Автор рассматривает тавтологию, связанную с употреблением имен второстепенных персонажей в пьесах русского театра XVII–XVIII вв. Обсуждаются различия в использовании тавтологии в допетровское, петровское и послепетровское время.

Ключевые слова: имя собственное, тавтология, придворный театр, школьный театр, аллегория, Петр I.

Dvoryanova Anastasiya Aleksandrovna
1st year student, Philological faculty
Supervisor: Semenov A. I., Docent at
the Department of the Russian Philology
and Journalism, Candidate in Philology, Docent
SVGU «North-East state University»
Magadan, Russian Federation

TAUTOLOGY IN THE SPEECH OF ALLEGORICAL AND ANCIENT CHARACTERS IN RUSSIAN PLAYS OF XVII–XVIII CENTURIES

Abstract: The author considers a tautology, which is associated with the use of names of minor characters in plays of the Russian theater of the XVII–XVIII centuries. The differences in the use of tautology in the pre-Petrine, Petrine and post-Petrine time have been discussed.

Keywords: a proper name, tautology, court theatre, school theatre, allegory, Peter the First.

Термин «тавтология» по определению, предложенному Т. А. Ковалевой, означает оборот речи, основанный на повторении однокоренных лексем [4, с. 38]. Тавтологию часто считают речевой ошибкой, приводящей к повторению уже сказанного. Но также она может быть использована как стилистический прием в художественных произведениях.

В нашей работе мы рассмотрим особенности тавтологии в пьесах школьных театров (петровский и послепетровский периоды) и придворного театра (допетровский период).

Театр в России появился при царе Алексее Михайловиче [1, с. 64]. Это был придворный театр, который предназначался только для царской семьи и приближенных монарха. Первая пьеса «Артаксерксово действо» была поставлена в 1672 г. [1, с. 11].

В 1676 г. театр прекратил свое существование и возобновился только в начале XVIII в. при Петре I. Это был школьный, общедоступный театр, который по замыслу царя должен был отображать в пьесах современные события [6, с. 17].

На становление театра большое влияние оказало барокко [10, с. 4]. В начале XVIII в., как пишут А. М. Панченко и Г. Н. Моисеева, «Россия вошла в более тесный контакт с европейскими государствами, что не замедлило сказаться и на формировании литературы того времени» [3, т. 1, с. 445]. Наряду с привычными для простого народа персонажами и библейскими героями в пьесах действовали античные божества и аллегорические фигуры, о которых русский зритель имел смутные представления. Эти разнообразные герои могли появляться на сцене одновременно.

Речь этих персонажей содержала в себе тавтологичные выражения.

В пьесах школьных театров тавтологию можно разделить на два вида: горизонтальную и вертикальную.

Горизонтальная тавтология – повтор однокоренных слов, который встречается в речи персонажа. Например, **Добродетель** говорит: «И **Терпению** несть мощно *терпети...*» [9, с. 89] (пьеса «Страшное изображение второго пришествия»); **Сластолюбие**: «Аз верно богом Плутоном создано / От веков красным *венцем увенчанно...*» [9, с. 56] («Ужасная измена сластолюбивого жития»).

При вертикальной тавтологии персонаж произносит слова, которые являются один и тот же корень, что и имя персонажа, например, **Совесть** произносит: «Аз **Совесть** – его неложный свидетель, / Яко всякую презре добродетель [9, с. 70] («Ужасная измена...»); **Древность**: «Кому есть тайна **Древность** несравненна? / Ей же достойно чудится вселенна [8, с. 516] («Декламация ко дню рождения Елизаветы Петровны...»). Такая тавтология используется в речи аллегорических фигур и античных персонажей. То есть персонаж, появляясь на сцене, фактически объявляет зрителям свое имя.

Встречаются примеры использования и вертикальной, и горизонтальной тавтологии одновременно. Например, в пьесе «Страшное изображение...» **Отмщение** сообщает: «Аз, *Отмщение*, *отмщу* дела злая...» [9, с. 99].

Обозначим основные функции тавтологии в пьесах школьных театров: 1) персонажи были неизвестны и необычны для простого народа, поэтому они должны были называть себя; 2) персонажи при помощи тавтологии доносили до зрителя нужную информацию (И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь пишут о том, что «такие сочетания выделяются на фоне остальных слов, это дает возможность, прибегая к тавтологии, обратить внимание на особо важные понятия» [2, с. 10]); 3) использование тавтологии способствовало привыканию зрителей к западноевропейским образам.

Это относится, в первую очередь, к пьесам петровского периода. В начале XVIII в. западная культура начала активно проникать в русскую жизнь. Западноевропейские образы были необычны для русского народа, поэтому требовали некоторых уточнений и, выходя на сцену, персонажи называли себя.

Ярким примером этого времени является пьеса «Страшное изображение втораго пришествия» (1702 г.), в которой встречается и вертикальная, и горизонтальная тавтология (см. примеры выше). Пьеса содержит в себе много неизвестных для русского зрителя персонажей (Марс, Фортуна, Мир, Смотрение, Отмщение, Всемощство и т. д.). К этому периоду относится и пьеса «Ужасная измена сластолюбивого жития» (1701 г.), в которой **Мир** произносит: «Радуйся, о Госпоже! *Мир* ти припадаю, / В Госпожу ты с моими себе обручаю» [9, с. 57].

К концу царствования Петра I и в послепетровский период тавтология в пьесах встречается редко. Персонажи не всегда называют свое имя, даже если в первый раз в пьесе появляются на сцене. Можно предположить, что зрители уже привыкли к аллегорическим и античным героям и им не требуется пояснений. Они привыкли узнавать этих персонажей по одежде и атрибутам.

Также персонажа можно идентифицировать по речи, которую он произносит, тем самым раскрывается смысл, который заложен в значении его имени. Например, **Роскошь** говорит: «Коль благо, коль приятно изобилно жити, / в сластех, нежели в крови на бранех, ходити...» [9, с. 250] («Диалог о Гофреде, победившем сарацины»); **Фортуна**: «Аз тебе пособствовах и пособить буду, / вознесох имя твое и вознесу всюду. / Уповай на *щастие*, аз не пременюся, / с тобою во всех делех присовокуплюся» [9, с. 437] («Образ торжества российского»). Отметим, что Фортуна (Fortuna) – это богиня счастья и удачи в римской мифологии [5, т. 2, с. 571]. В период царствования Петра I активно использовался перевод слова «фортуна» как «счастье» [12].

Конечно, о том, какой персонаж играет на сцене, зрители узнавали и из речи других персонажей. Например, **Верность**, обращаясь к **Отчеству** (т. е. Отечеству), говорит: «Что размножаешь слово, слово свое слезно? / Отложи скорбь и печаль, *Отчество* любезно!» [8, с. 444] («Стефанотокос»); **Диана** обращается к **Фортуне**: «Встань мая драгая, встань, *Фартуна* нежна. / Злоба, Купидон исчезли, будь же безмятежна» [7, с. 393] («Акт Ливерский»).

В более поздних пьесах тавтология встречается, но не так часто, как в начале XVIII в. Снова приведем пример из пьесы «Стефанотокос» (1741–

1745 гг.), где **Благополучие** говорит: «Аз – *Благополучие*, от бога посланно, / Се же Слава, да тебе послужим избранно» [8, с. 448].

Редкое использование тавтологии в пьесах послепетровского периода, по нашему мнению, может быть связано с уменьшением количества аллегорических образов. Так, в пьесе «Действие о короле Гишпанском» встречается только два таких персонажа – Марс и Слава. **Слава** сообщает: «Аз, гишпанская *Слава*, / Летаю повсюду, что *Фама*» [7, с. 77]. Фама – один из латинских переводов слова «слава», означает «молва, слух; репутация; доброе имя, слава» [5, т. 2, с. 317]. В пьесе «Акт Ливерский» есть три интересующих нас персонажа: Злоба, Фортуна и Марс. Злоба и Марс, появляясь на сцене, не называют себя. Только Фортуна один раз использует тавтологию (**Фортуна**: «Летай теперь слава, я уж в кароне / Раздавайся ехо, *Фортуна* на троне» [7, с. 393]). В пьесе «О Сарпиде, дуксе ассириском» (1720–1730 гг.) аллегории не встречаются.

Отметим, что во многих пьесах придворных театров допетровского времени при царе Алексее Михайловиче аллегорические и античные персонажи отсутствуют (пьесы «Артаксерово действие» 1672 г., «Иудифь» 1673 г., «Темир-Аксаково действо» 1675 г., «Малая прохладная комедия об Иосифе» 1675 г.) [6].

Аллегорические фигуры есть в пьесе «Жалобная комедия об Адаме и Еве» (1675 г.). Аллегории в этом произведении используют слова одного корня с своим именем. **Истинна** говорит: «Боже *истинный*, его же *истинна* пребывает во веки!» [11, с. 133]; **Правда**: «Единому токмо Милосердию быти, где же мне пребыти? Убо *праведен* Богъ и *Правда* его состоятися должна; аще и весь свет преставится, однакожде Бог ничто же супротиво *Правды* не учинит» [11, с. 134]. Эта пьеса написана прозой.

Итак, в пьесах встречаются два вида тавтологии: горизонтальная (которая заключается в том, что сама речь персонажа имеет повтор однокоренных слов) и вертикальная (при которой персонаж использует слова с тем же корнем, что содержит его имя).

В период правления Алексея Михайловича в большинстве пьес интересующие нас персонажи отсутствовали. Исключением является пьеса «Жалобная комедия...».

В пьесах начала XVIII в. тавтология встречается часто. Это связано с тем, что новые персонажи, заимствованные из западноевропейской культуры, были совершенно незнакомы русскому зрителю, поэтому они представляли, указывали свое имя на сцене. Таким образом, тавтология помогала легко узнавать необычных персонажей и быстро привыкать к ним.

В конце петровского периода и в послепетровское время тавтология встречается редко. По нашему мнению, это связано с тем, что в течение 15–20 лет зритель привык к таким персонажам. К тому же в пьесах послепетровского периода аллегорические фигуры и античные персонажи встречаются нечасто, а порой вовсе не используются авторами.

Список использованной литературы:

1. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. – 2-е изд., перераб. – М. : Учпедгиз, 1951. – 687 с.
2. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 268 с.
3. История русской литературы : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол. : Н. И. Пруцков (гл. ред.) и др. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Редкол. тома : Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, 1980. – 814 с.
4. Ковалева Т. А. Тавтология и плеоназм в отечественном языкознании: интегральный и дифференциальный аспекты // Вестник МГОУ. Серия : Русская филология, 2016. – № 2. – С. 34–40.

Всероссийское СМИ

«Академия педагогических идей «НОВАЦИЯ»

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-62011 от 05.06.2015 г.

(выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций)

Сайт: akademnova.ru

e-mail: akademnova@mail.ru

5. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003.
6. Первые пьесы русского театра / под ред. О. А. Державина, А. С. Демина, А. Н. Робинсона. – М. : Наука, 1972. – 511 с.
7. Пьесы любительских театров / под ред. О. А. Державина, А. С. Демина, А. Н. Робинсона. – М. : Наука, 1976. – 860 с.
8. Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. / под ред. А. С. Елеонской. – М. : Наука, 1975. – 734 с.
9. Пьесы школьных театров Москвы / под ред. А. С. Демина. – М. : Наука, 1974. – 584 с.
10. Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. / под ред. А. Н. Робинсона. – М. : Наука, 1989. – 233 с.
11. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / под ред. – М. : Наука, 1972. – 368 с.
12. Семенов А. И. Брауншвейгское «Счастье» // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2014. – № 21. – С. 42–45.

Дата поступления в редакцию: 16.10.2018 г.

Опубликовано: 23.10.2018 г.

© Академия педагогических идей «Новация». Серия «Студенческий научный вестник», электронный журнал, 2018

© Дворянова А.А., 2018